

Учебники по истории философии — 97

Задача, которую мы перед собой ставим, и проста и сложна одновременно: она относительно проста, поскольку сам обзор ограничен рассмотрением исключительно историко-философского содержания учебников и не претендует на т.н. «метафилософскую» тематику; она сложна, поскольку сами учебники являются частью сегодняшнего историко-философского процесса.

Имеется беспроблемная, по существу, возможность облегчить неблагодарную участь обозревателя, т.е. соотнести рассматриваемые варианты учебников с требованиями имеющейся «Программы государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности «Философия» (бакалавр)», разработанной Госкомитетом Российской Федерации по высшей школе¹. Но эта возможность по причине уж слишком разного понимания «стандарта» авторами учебников никак не может быть использована.

Будет разумнее остановиться на такой системе отсчета как собственный преподавательский опыт, который, помимо всего прочего, будучи предложенным в качестве критерия, ставит автора в равные условия с теми, чьи учебные пособия здесь рассматриваются. В таком случае основной темой данного обзора становятся тенденции, которые прослеживаются в этой весьма специфической сфере существования философии, каковой является ее преподавание.

Принцип отбора учебников весьма прост: мы остановимся на тех из них, что попали в поле зрения автора во второй половине 1997 года. Именно на этот период выпал, по нашим наблюдениям, пик издательской активности.

Мы коснемся семи наименований учебных пособий, объединенных к тому же общим началом – все они подготовлены в основном преподавателями ВУЗов, что по всей видимости является своеобразным ответом высшей школы знаменитому «перестроечному» «Введению в философию», написанному авторским коллективом под руководством И.Т.Фролова и состоящим почти целиком из сотрудников ИФ АН СССР и других близких к нему научных организаций. Учебник, прошедший по обычаю того времени (конец 80-х годов) апробацию и публичное обсуждение в прессе еще до его издания и сыгравший свою положительную роль в качестве последнего примера верности марксистско-ленинской методологии, замер в конце-концов стройными рядами на полках вузовских библиотек. Однако процесс расставания с иллюзией возможности создания «единственно верного учения» и разработки соответствующих ему учебных курсов и пособий протекал довольно болезненно и привел к весьма любопытным результатам. Высшая школа взглянула на себя как на вполне суверенное образование, примкнув тем самым к движению, зафиксированному отныне в нашей истории под именем «парада суверенитетов».

Вначале появились авторские курсы, которые тешили душу доцентов и профессоров возможностью осуществить, наконец, стародавнюю мечту соединить собственные научные изыскания с интересами аудитории. Некоторые ВУЗы позволили себе издание небольшими тиражами учебных пособий, которые нередко выходили за пределы конкретного учебного заведения и даже ксерокопировались.

Это были меры вынужденные и одновременно вожделенные. Ранее не востребуемая творческая мысль педагогов привела к реанимации феномена вузовской философии, не желающей более мириться с участью ретранслятора чьих-то идей. Но здесь таилась и опасность, которая в наиболее яркой форме запечатлелась в череде издаваемых и даже уже переиздаваемых учебников по философии в конце 90-х годов.

Для того, чтобы понять ее, сошлемся на здоровый прагматизм и добрый юмор отечественного студенчества еще советской поры, однажды окрестившего известное учебное пособие «учебником для домашних хозяек». Само же издание было чем-то средним между почти тридцатистраничным вторым параграфом четвертой главы краткого курса «Истории ВКП(б)» и не в меру пухлыми изданиями «Основ марксистско-ленинск

кой философии», отличающихся друг от друга исключительно именами угодных власти философских «начальников» и ссылками на первых страницах на тех, кто у этой власти стоял. Но начальники сменялись и удалялись вослед уходящим властям, а любимый в производственной сфере экономики философский бестселлер выручал в самый последний момент (т.е. накануне или непосредственно на экзамене) тех, кто по тем или иным причинам уважал прежде всего свое время и содержание учебника оценивал буквально «по-декартовски» – за ясность формулировок и близость к миру врожденных идей.

Мысль, к которой мы вплотную подошли достаточно проста: так же, как в религии, где существует проблема истинной веры и внешне-неблагочестивого отношения к ней, в философии мы встречаемся с проблемой существования собственно философского процесса и воспроизведения его в различных неадекватных ему формах.

А.Койре, говоря о распространении античной философии в средневековой Европе, обратил внимание на то, что постепенно оригинальные философские тексты заменялись учебником, «который достаточно эклектичен, синкретичен и преимущественно отражает взгляды стоиков и неоплатоников» (*Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 56*). Собственно, ничего не имея против стоиков и неоплатоников, заметим, что в данном контексте речь как раз идет о проблеме соотношения самого философского процесса, который по мнению автора цитируемого исследования *диалогичен*, и его отражения в преподавательской деятельности – конкретно – в учебнике, который в силу своей специфики всегда будет *монологичен* даже, если в нем найдут место различные точки зрения. Позиция автора или авторского коллектива останется доминирующей во всех случаях.

Здесь, как представляется, и скрывается опасность, без осознания которой, даже и не имея ввиду ее преодоления, нельзя представить себе сколько-нибудь приемлемый учебник по философии. Дилемма, перед которой неизбежно оказывается автор учебника, выглядит следующим образом: либо вы создаете в буквальном смысле «пособие», т.е. такой учебник, который должен помочь студенту сдать экзамен, а тем самым решить чисто утилитарную задачу, либо вы пойдете по пути создания оригинального курса, дополняющего философскую мысль, но увы необязательного и избыточного с точки зрения студенчества, настроенного главным образом прагматически.

Все это неизбежно приводит нас к исходному и почти буквально «по-кантовски» поставленному вопросу, *как возможен учебник по философии, да и возможен ли он вообще?*

Если решать проблему в пользу сохранения аутентичности философии как некоей недоступной и адекватно невоспроизводимой «вещи-в-себе», мы встретимся с явной нелепостью – философия никогда не «замирала» в каком-либо конкретно-историческом состоянии, чтобы считать его критерием подлинного философствования, а любая интерпретация философских текстов уже в исходном пункте обретала признаки «учебного пособия». В конце-концов, если бы философское учение Гераклита исчезло вместе с бранным телом первого философа-мизантропа, мир никогда не узнал бы о том, как опасно входить в реку, не умея плавать.

Однако проблема все же имеется и состоит она прежде всего в том, что существует некий предел интерпретации, за которым исчезает подлинная философия. Аристотелевский критерий философствования как знания ради самого знания веками служил подлинным и, несмотря ни на какие притязания, непреодоленным «принципом партийности» философии.

Другое дело, когда место философии начинает занимать очередная суррогат, подчиненный прекраснотушней идее коренного «до последнего колена» переустройства мира. Но в этом случае, как показывает практика, диалектику предпочитают изучать отнюдь «не по Гегелю», а функции мыслителя переходят к стражу, стоящему, как известно, на второй ступени в платоновской иерархии.

Но существование «предела философствования» предполагает и некий диапазон, в который на вполне законных правах входит и вузовская философия. В этой связи вполне уместно сослаться на А.Шопенгауэра, который говорил о взаимной пользе философии как «свободном искании истины» и университетской философии и при этом заметил: «То обстоятельство, что философия преподается в университетах, несомненно приносит ей не малую пользу. Благодаря этому, она получает гражданские права, и ее знамя водружается перед глазами людей, – что постоянно приводит на память и делает заметным ее существование. Но главная выгода отсюда та, что с ней знакомятся и получают импульс к ее изучению молодые и способные головы». (*Шопенгауэр А. Об университетской философии // Эпоха. Филос. вестн. 1991. № 0. С. 60*).

В какой степени осознают «проблемность» учебника по философии авторы рассматриваемых в данном обзоре вариантов? Первое, на что сразу же обращается внимание, – это соотношение историко-философского и метафилософского (теоретического) аспектов. В основе такого разделения лежит все тот же «Государственный образовательный стандарт...» Сам «стандарт» ничем в этом плане не ограничивает разработчиков курсов и учебников, что и позволяет им весьма по-разному подходить к решению по-своему понимаемых задач.

Так, в курсе лекций, написанном под научным руководством В.Л.Калашникова (**Философия. Курс лекций. М.: Владос, 1997**), прямо отмечается, что краткость историко-философского введения может быть компенсирована выпущенной несколько ранее книгой А.А.Радугина аналогичного названия. Заметим сразу, что такого рода рекомендации серьезно усложняют жизнь тех, кому они адресованы и чаще всего остаются без внимания.

В результате основной чертой историко-философского введения оказывается его явная конспективность и оно становится кратким философским справочником, позитивные функции которого можно определить только с учетом тех весьма «трагических» обстоятельств, в которые регулярно два раза в году попадает самая неунывающая категория студенчества. Правда, есть здесь и то, что дополняет упомянутый учебник А.А.Радугина, а именно – тема 27, посвященная философии марксизма. Если в данном случае этот этап в истории философии рассматривается лишь как фрагмент немецкой классической философии, которому посвящен заключительный параграф, то в курсе лекций под руководством В.Л.Калашникова он рассматривается как вполне самостоятельная тема и, более того, занимает особое положение по отношению к другим. Эта единственная тема, где допускаются далекие от историко-философского анализа оценки типа «величайшее произведение».

Мы намеренно останавливаемся на этих обстоятельствах, связанных с философией марксизма, поскольку отношение к ней – это ключ к логике историко-философского процесса, какой она предстает в вариантах рассматриваемых учебников.

В рассматриваемом учебнике философия марксизма предстает традиционно в духе ленинских «Трех источников...», т.е. посредством приращивания роли немецкой классической философии и одновременно вульгаризации самого марксизма, хотя

авторами всякое огрубление и упрощение на этот счет осуждается. Цель составителей учебного пособия вполне определена и знакома многим преподавателям философии со стажем: в условиях, мягко говоря, не разбирающей нюансов критики всего, что связано с именами К.Маркса и Ф.Энгельса, очень не хочется выглядеть похолуйски неблагодарным по отношению к тем, кто пусть косвенным образом, но позволял когда-то худо-бедно все же заниматься «философским промыслом». Но нельзя забывать и того, что многие из практикующих философию в годы господства «единственно верного» учения, смогли обнаружить в творческом наследии К.Маркса то, что не вписывалось в расхожие представления о его учении. Сам же Маркс не нуждается в *любой* защите, даже, если она продиктована самыми благими намерениями. И именно теперь в период огульной критики и забвения К.Маркса мы должны быть предельно точны в изложении его взглядов.

В качестве примера слишком вольного толкования известного учения можно привести приписываемые родоначальнику марксизма идеи о коммунизме как обществе, основными характеристиками которого являются, взятые из недавнего «светлого» прошлого *«научно-техническая революция, автоматизация, человек-контролер и наладчик производства, а не его агент»* (С. 294). И где хотя бы упоминание об истоках представлений К.Маркса о коммунизме, имеющих в философии Л.Фейербаха? А также, почему мысль того же Л.Фейербаха о человеке как о природе, ставшей обществом и об обществе, ставшем сущностью природы, буквально навязывается на сей раз Ф.Энгельсу?

Отнюдь не случайно и то, что безусловно положительная оценка философии марксизма, сказывается на отношении авторов к современным философским течениям, однозначно ставящих их ниже всего достигнутого Марксом и Энгельсом.

Выдержавший два издания курс лекций А.А.Радугина (*Радугин А.А. Философия. Курс лекций. М.: Центр, 1997*) представляет главные философские проблемы через «изложение основных философских направлений, течений, школ и учений», – как сказано в аннотации. Отличительной чертой данного учебника является ненавязчивая форма представления метафилософских проблем. При этом автор делает это не в ущерб истории философии и не поверхностно. Так, если вновь обратиться к теме философии марксизма, которая, как уже было сказано, является в известном смысле ключевой, то в данном курсе лек

ций она рассматривается как «завершающий этап развития немецкой классической философии» (С. 129). Такой принципиальный подход обнаруживает себя уже при изложении фактов биографии К.Маркса и его принадлежности философской традиции, идущей от Гегеля и Фейербаха. Большое внимание уделяется «Экономическо-философским рукописям 1844 года», где влияние Фейербаха особенно заметно.

Автору удается достаточно органично «вплести» в историко-философскую канву чисто теоретические вопросы. Например, говоря о принципе практики как главном принципе философской системы К.Маркса и Ф.Энгельса, А.А.Радугин расширяет понятийный аппарат самого учения о практике за счет категорий опыта и эксперимента, давая им необходимо строгие определения и тем самым создавая возможность дальнейшего использования вводимых понятий. То же самое можно сказать о понятиях объективной, абсолютной и относительной истин. Корректное использование достижений советской философской традиции, позволяет автору выйти за пределы нередко и поныне трактуемого чрезвычайно узко учения о практике как критерии истины, который, по мысли автора, может выражаться и в научном эксперименте и в построении моделей.

В этой связи хотелось бы сказать, что такое ненарочитое включение теоретических и методологических вопросов органично сочетается в курсе лекций А.А.Радугина с вводными главами, где автору нельзя отказать в чувстве меры. Дело в том, что большинство авторов учебников по философии, в вводных главах как бы спешат избавиться от очевидно надуманных требований «госстандарта» путем не очень внятного и убедительного «проговаривания» темы о функциях философии и ее связи с мировоззрением. Вот и получается, что уже «на пороге» постижения нового мира, некоторые авторы учебников отбивают у читателя, буквально «задавленного» информацией о труднозапоминаемых функциях философии, всякую охоту делать следующий.

Все, что касается «хрестоматийной» темы о мировоззрении, то она решается в учебнике А.А.Радугина без неуместного в таких случаях пафоса и дидактики и основное внимание, с чем трудно не согласиться, уделяется предпосылкам возникновения философии, в результате чего вывод о том, что «философия – это теоретический уровень мировоззрения» вытекает как бы сам собой.

Касаясь специфики философского знания, автор не идет по традиционному в таких случаях пути и не навязывает читателю стандарт, в соответствии с которым философию следует как-то определять. Более того, А.А.Радугин весьма остроумно избегает на первых страницах учебника того *общего места*, которое в памяти подавляющего большинства наших образованных соотечественников и граждан окрестных государств навеки известно с «легкой руки» Ф.Энгельса под именем «Великого основного вопроса философии».

В рассматриваемом курсе лекций с этой темой мы встречаемся в главе, посвященной Сократу и софистам, где говорится о весьма относительной ценности подобного рода демаркационных критериев, если мы начинаем с их помощью определять принадлежность философов к тому или иному направлению. Так, соотносясь с ленинской оценкой материализма Демокрита, А.А.Радугин справедливо отмечает, что «говорить о материализме древнегреческих философов явно преждевременно» (С. 38).

Во всяком случае такой подход более предпочтителен хотя бы тем, что предлагает читателю познакомиться с авторской точкой зрения, лишенной догматизма и соотнесенной с другими подходами. Он отличается и от псевдо-объективистского взгляда на эту проблему, предложенного в курсе лекций, составленного В.Л.Калашниковым, где из всех перечисленных взглядов на главную философскую проблему, автор выбирает в конце-концов формулировку Ф.Энгельса. (См. выше цит. изд. С. 4-17).

Весьма традиционную, классификацию философских направлений в зависимости от решения основного вопроса философии предлагают авторы учебника **«Основы современной философии. Учеб. для ВУЗов» (СПб.: Лань, 1997).**

Так, в самом начале мы узнаем, что «материалисты исходили из первичности материального бытия и вторичности идеальных процессов, считали мир познаваемым, тогда как идеалисты исходили из субстанциональности (так в учебнике – И.К.) и первичности идеального фактора и в большинстве своем отрицали познаваемость мира». (С. 5). В результате такого предельно «ясного» размежевания возникает материалистическая линия, которую «продолжает *современная* (выделено нами – И.К.) философия, а идеализм представлен различными философскими течениями: экзистенциализмом, постпозитивизмом, герменевтикой, неотомизмом и другими направлениями» (С. 6), т.е., если следовать логике авторов, является *несовременной* философией.

В представленной столь «ясным» образом картине философской жизни возникает целый ряд вопросов. Ведь, если в основе материализма лежит *материальное бытие*, то как понимать то, что идеалисты исходили из некоей *субстанциональности* и уж совсем непонятного *идеального фактора*. Получается так, что материальное бытие не субстанционально?

Но больше всего в представленной картине удивляет то, что авторы даже не затруднили себя простым вопросом – а какова же познавательная ценность такого рода представлений, «Замкнув» историю философии на внутренней борьбе философских «лагерей», они фактически подменили реальную и во многом до конца не проявленную жизнь философских идей, мыслью о перманентном противостоянии, где господствует не общий интерес в поиске ответов на вечные вопросы, а дворовая этика с ее ненормативной лексикой и безудержной волей победить, чего бы это не стоило. В этой связи вполне «оправданно» выглядит один из заключающих учебник выводов о том, что учение Маркса и Энгельса явилось «теоретическим фундаментом победы рабочего класса и трудящихся во многих странах мира, подняв миллионные массы до уровня творцов собственной истории» (С. 290).

Рассматриваемый учебник служит и хорошим примером того, что получается, если однозначно и без сомнений следовать требованиям «Федерального стандарта»: историко-философская часть сведена до минимума, зато теоретическая представлена несопоставимо шире, в результате чего смысл самого историко-философского введения полностью утрачивается, а с ним теряется и включенная в список основных философских направлений т.н. «современная философия».

Справедливости ради, следует все же сказать, что именно в главной своей теоретической части авторам учебника удалось выйти за рамки отдаваемых ими мировоззренческих предпочтений и представить стоящие перед современной философией проблемы на должном уровне, правда, нередко перегружая текст понятиями и терминологией, превышающими потребности учебной литературы.

Одним из самых известных учебников по философии – об этом можно судить по тому, насколько часто его можно видеть в руках студентов накануне или во время сессии – является учебник под редакцией В.П.Кохановского. (**Философия: Учеб. для ВУЗов. Ростов н/Дону: Феникс, 1997**).

Это прежде всего книга для самообразования и досугового чтения – настолько сам учебник обладает свойством занимательности и наглядности, а к тому же снабжен добротным методическим и библиографическим приложением.

Логика построения учебника такова: вначале дается краткий обзор основных этапов истории философии, с помощью которого как бы создается определенный познавательный фон. Читатель знакомится не только с именами и биографиями известных мыслителей, но и с основами их учений. При этом обращает на себя внимание корректный, интеллигентный способ представления историко-философского материала. Места хватает всем: и классикам и новейшим философам, включая сюда и советских авторов, несомненно достойных не только упоминания.

Как уже говорилось, главной целью данного обзора является определение тенденций, из которых складывается феномен вузовской философии, постепенно возвращающей себе права относительно самостоятельного духовного образования. Мы специально не оцениваем собственно историко-философские взгляды авторов и составителей в той мере, в какой это вообще возможно. Главное для нас – понять, как в рассматриваемых пособиях решается проблема соединения историко-философского опыта и практики преподавания истории философии в современном учебном заведении.

Вопрос о выборе тех или иных имен, запечатленных в истории философии или еще не нашедших в ней свое место, относится к числу, если можно так выразиться, мета-историко-философских проблем. Заметим что упомянутый «госстандарт» рекомендует рассматривать лишь те или иные направления в философии, а вот выбор имен предоставлен самим авторам и зависит уже от их позиции, в связи с чем их задача выглядит относительно творческой.

При подборе собственных персональных предпочтений автор прежде всего реализует то, что мы называем *принципом подиума*, в согласии с которым образы или, если угодно, образцы философских идей предстают перед читателем, как модели одежды – перед глазами созерцателей столь популярных ныне *дефиле*. Похожесть ситуаций, давшая основание для столь рискованного сравнения, состоит, прежде всего в том, что смыслом т.н. «высокой моды» не может считаться стремление одеть таким образом все население. Главное – помочь разгля

деть в демонстрируемой и нередко весьма экстравагантной одежде что-то неповторимо свое. Это может быть отдельная линия, цвет, деталь, а по большому счету – и дух, и стиль, и некая едва уловимая тенденция поведения, соответствующая данному стилю.

В соответствии с этим принципом можно, конечно, предложить читателю максимально полный очерк истории философии в надежде на то, что что-то может быть «уловлено», но реализация этого принципа невозможна в силу вполне очевидного и естественного дефицита места (объем учебника) и читательского времени. Поэтому сам отбор тем, имен или периодов требует от авторов и интуиции, и знания и ощущения своего времени. Иначе сказать, на «подиум» выпускаются только те образы философской рефлексии, которые могут, по мнению авторско-исследователей, «работать» одновременно на авторскую позицию и на читателя. Бояться потери исторической последовательности, если, например, что-то опускается или только упоминается, не следует, поскольку в любом историко-философском эпизоде можно разглядеть отголоски прошлых и элементы будущих проблем. В этом случае учебник по истории философии позволяет избежать нередкого по отношению к иной учебной литературе верхоглядства, а автор, в свою очередь, получает возможность реализовывать свои творческие задачи. Образно говоря «вход» в мир философии напоминает библейскую *лестницу Иакова*: поставленная в любом месте, она все равно дает возможность общаться с небом. Автор учебника должен уметь помочь читателю найти *такое* место.

Учебник под редакцией В.П.Кохановского в этом плане является наглядным примером творческого подхода к истории философии как к предмету преподавательской деятельности.

Отличительной чертой такого подхода является то, что метафилософские главы учебника неотделимы от историко-философского материала. Авторы последовательно проводят ту мысль, что понимание фундаментальных вопросов человеческого бытия невозможно вне границ историко-философского процесса.

Так, например, традиционная для всех учебников по философии тема бытия рассматривается во множестве историко-философских и культурных контекстов, позволяющих вдумчивому читателю найти «свой» срез проблемы. В этом плане предварительное знакомство с мировой историей философии позволяет ему достаточно легко без напряжения понять, что

имеют ввиду авторы, говоря, например, об экзистенциальной природе идеи Парменида о бытии. Такие историко-философские ассоциации позволяют авторам учебного пособия уйти от обычной в таких случаях снисходительной или, напротив, не в меру дидактичной манеры разговора со своим читателем. Достигается это прежде всего благодаря отличному владению историко-философским материалом, что позволяет эффективно удовлетворять собственные научные интересы, одновременно привлекая к ним внимание читателя. При этом соблюдается мера и сохраняется необходимая наглядность. Число имен, на которые ссылаются авторы велико, но не выглядит избыточным в силу того, что знакомство с ними осуществлялось постепенно – вначале через биографии и хрестоматийные характеристики, а затем посредством более тонкого анализа их учений.

Авторы учебника под редакцией В.П.Кохановского далеки от прекраснодушных представлений о своем потенциальном читателе и поэтому, всегда вводят новые понятия, отдавая себе в этом отчет и терпеливо и постепенно преодолевая неизбежные в таких случаях терминологические барьеры.

То, что также существенным образом характеризует историко-философскую часть учебника – это весьма удавшаяся попытка сделать своего читателя *со-временным* и философским исканиям, отделенных от нас веками, и – близкими десятилетиями или даже годами. Особого внимания в этой связи заслуживает глава историко-философского введения, где речь идет об основных этапах формирования советской философии. Эта глава должна быть особенно интересна ныне здравствующим отечественным философам, чьи имена стоят в ней рядом с краткими характеристиками оригинальных философских взглядов.

С полной уверенностью можно сказать, что авторам учебника под редакцией В.П.Кохановского достало желаний и ума, чтобы убедительно показать, что в канувшей в Лету стране никогда не прерывался философский процесс, что сама советская философия не есть исключительно национальное явление и постоянно была связана со всемирным философским движением. Другое дело, что «железный занавес», воздвигаемый десятилетиями и принятое еще с гегелевских времен традиционное игнорирование успехов, совершаемых к востоку от *пулковских холмов*, сделало имена большинства советских философов известными крайне узкому кругу лиц. Учитывая же собственную ментальность, выразившуюся в числе прочего

в том, что о себе мы привыкли узнавать по информации, поступающей извне (См., например, – Лорен Р.Грэхэм. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М: Политиздат, 1991), попытка представить советскую философию в качестве состоявшегося философского феномена весьма своевременна, а в рамках учебника просто необходима. В этом плане достоин упоминания и чисто «метафилософский» учебник, принадлежащий авторству **П.В.Алексеева и А.В.Панина (Философия. М: Проспект, 1996)**. В целом, как и всякое научно-педагогическое исследование не бесспорный, этот учебник содержит богатейший материал по истории именно советской философии.

В ориентированном, главным образом, на высшую школу Гуманитарном издательском центре «Владос» вышел по-своему оригинальный учебник под редакцией и научным руководством Е.В.Попова (**Основы философии. Учеб. пособие. М.: Владос, 1997**). В предисловии к нему авторы довольно конкретно формулируют свою задачу, которую видят в *пробуждении* потребности формирования в каждом индивиде «потенции Мыслителя» (С. 4). И то, что мы обращаем внимание на это заявление авторов, означает лишь то, что мы согласны с таким образом представленной целью и считаем ее общей для процесса преподавания философии в целом. Это действительно только *пробуждение* интереса, которое со стороны преподавателя должно быть к тому же подкреплено умением не отбить охоту заниматься философией впредь.

В качестве основы представления истории философии авторы избрали далеко не бесспорное деление философии на основные типы, что в принципе согласуется с одним из пунктов «государственного стандарта». Сознывая это, – о чем и говорится в самом начале («единого подхода нет»), составители учебного пособия предлагают делить философию в зависимости от задач исследования. Таким образом мы получаем философию материалистическую и идеалистическую, рациональную и иррациональную, прагматическую, монистическую, дуалистическую и плюралистическую, а также физикалистскую, организмическую, сциентистскую и антисциентистскую, натуралистическую и супранатуралистическую.

Нам уже приходилось говорить о трудностях, с которыми встречаются авторы учебников при проведении классификации философских учений, поэтому отнюдь не случайными в

этой связи выглядят попытки во что бы то ни стало сохранить т.н. «основной вопрос философии», что является еще одним свидетельством существования соответствующей историко-философской проблемы. Но в данном случае сама эта ситуация, т.е. проблема критериев классификации философских направлений, нас интересует в узком смысле – конкретно – как проблема преподавания истории философии.

Текст рассматриваемого учебного пособия указывает на значительные трудности, которые испытывают авторы, проводя классификацию типов философских учений и используя при этом критерий исследовательских задач, стоящих перед тем или иным исследователем историко-философского процесса. Таким образом сам процесс начинает как бы раскладываться на определенные тенденции, на которые, в свою очередь, «нанализуются» конкретные варианты решения одного и того же вопроса. История философии предстает в этой связи как самодостаточный феномен со своей постоянной шкалой ценностей и сложившейся логикой, в соответствии с которой каждый философ вносит свой вклад в некое общее дело. Эта в целом заманчивая идея или установка, характерная для большинства философских диссертаций, в той или иной степени содержащих историю главного вопроса диссертационной темы, в данном случае, т.е. в рассматриваемом учебном пособии, чрезвычайно проигрывает. И главное здесь – в разрушении органической *целостности* конкретного философского учения, которая сама по себе является самостоятельной ценностью. Ведь хорошо известно, что философское знание, будучи спекулятивным, т.е. предположительным по своей природе содержит в своей основе некую недостаточность или, сказать иначе, – отсутствие положительного, Умение философа из *недостатков* выстроить учение, опирающееся как бы на самое себя – есть смысл и секрет философствования и, ко всему сказанному, – еще и то, что привлекает внимание нефилософов. (Как известно главным признаком игры в футбол, привлекающим к нему внимание миллионов людей, является не просто умение забивать в ворота мячи, а способность делать это ногами, т.е. совершенно «неочевидным» образом).

Если следовать логике историко-философского процесса, представленной в позиции авторов учебника, составленного под руководством Е.В.Попова, то апории Зенона должны показаться не заявкой на создание особого мира, обладающего весьма неочевидными свойствами, а досадным недоразумением, имеющим отношение исключительно к проблемам теории познания.

Отрыв одного аспекта философствования от другого неизбежно приводит к искажению самого этого аспекта. Так, в результате мы узнаем, что у Канта были самые лучшие побуждения поддерживать «уверенность ученых в том, что они способны получать достоверное знание» (С. 36) и что в центр познания он ставит человека, его субъективный мир (С. 35), т.е. становится этаким софистом в расхожем смысле этого слова. Надо сказать, что такое упрощение учения философа далеко не только от его взглядов, но и от продекларированной в предисловии к учебнику задачи пробуждения в каждом индивиде «потенции Мыслителя». Все это выглядит далеко не случайным, если учесть, например, и то, что сам учебник лишен казалось бы естественного дополнения в виде указателя имен. В учебном пособии, в котором используется принцип проблемного изложения историко-философского материала, – это дополнение было бы далеко не лишним. Правда список имен все же приводится, но никакого методического значения он не имеет, поскольку лишен такой немаловажной детали как перечень страниц, на которых эти имена упоминаются.

Другим недостатком, связанным с игнорированием интересов потенциального читателя, является отсутствие элементарных сведений о философах, упоминаемых впервые, т.е. вне контекста проводимой в соответствующих темах книги классификации.

Все это более всего похоже на то, что сам учебник был написан как приложение к темам, которые демонстрируют научные интересы авторов и выглядят несколько автономно (тема IX и X), будучи посвященными сущности и судьбам современной цивилизации.

Принципиально новое поколение учебников по философии представлено в настоящем обзоре двумя изданиями. Это – **«История философии. Конспект» В.И.Курбатова (Ростов н/Дону: Феникс, 1997)** и **«Практикум по истории западноевропейской философии. Античность, Средневековье, Возрождение» С.В.Перевезенцева (М.: Учеб. лит., 1997)**.

Новизна представляемых изданий в их универсальности, т.е. в объединении под одной обложкой учебника и хрестоматии, а также, что правда имеет отношение только к пособию С.В.Перевезенцева, – и методического пособия. Учебники снабжены добротными приложениями, в которые входят словарь-справочник имен и терминов, перечень основных философских направлений, высказывания мудрецов (учебник В.И.Курбатова), а также списки

основной и дополнительной литературы, программа курса, поурочное планирование, тесты для самоконтроля, темы семинарских занятий, докладов и рефератов (учебник С.В.Перевезенцева).

Учебное пособие В.И.Курбатова называется *конспектом*. Можно, конечно спорить о праве на существование такого рода учебников, но раз уж существуют издаваемые курсы лекций по истории философии, почему бы не быть изданными и конспектам курсов лекций. Не хотелось бы доводить эту тему до абсурда, но очень уж трудно удержаться от соблазна представить, к примеру, публикации семинарских занятий, где подробно расписано, что кому говорить, включая сюда вводное и заключительное слова преподавателя, список наводящих вопросов и т.п.

Конспект по истории философии В.И.Курбатова является конкретным выражением концепции т.н. «щадающей» педагогики, перекочевавшей к нам с благополучного Запада, по-видимому уставшего бороться с ленью и нерадивостью своих избалованных чад.

Ответом на вопрос, подходит ли нам это, может служить следующее размышление. – По всей видимости в каждом элементе образовательного процесса должен содержаться хотя бы в минимальном объеме некий экзистенциальный смысл. Человек, приобщающийся к новому знанию, должен иметь возможность выбора, что в свою очередь связано с личными переживаниями, которые в конце-концов становятся своеобразной частью самого знания. Естественные трудности познания, сопровождающие его жизненные обстоятельства, первые с трудом добытые, но относительно самостоятельные открытия делают человека навсегда преданным избранному пути.

«Конспект» действительно помогает «составить представление об основных философских системах», – как того требует «стандарт», но обрекает человека на постоянное пребывание в состоянии явного интеллектуального дискомфорта, чем, собственно, и является *любовь к мудрости*, которая, как и всякая другая любовь не приемлет иного, – он вряд ли способен. К слову сказать, надо все же уметь отличать любовь к мудрости от любви к мудрствованию.

Показательно в этой связи отношение автора «конспекта» к философии элеатов, где основное внимание уделено апориям Зенона. Несомненно важной является попытка показать логический и лингвистический смысл зеноновых затруднений, но ведь не менее важным было бы обратить внимание на то, что

сами они не являются самоцелью. Сведение же смысла апорий к вопросу о возможности адекватно, без противоречий выразить в словах простой процесс механического перемещения тела (С. 35) представляется весьма спорным упрощением, обнаруживающим скорее явно присутствующий профессиональный интерес автора к подобным философским изыскам. (см. его же учебное пособие «Философия в парадоксах и притчах»).

В вводных словах к учебнику автор подчеркивает, что не собирается представлять историю философии «под углом зрения какой-либо предвзятости», поскольку сами философы «себя никак не квалифицировали» (С. 9). Соглашаясь с этими словами в той мере, в какой они имеют отношение к разделению философов на враждующие друг с другом «лагеря», заметим все же, что позиция автора, раз уж он поставил свое имя рядом с названием книги, предполагает известное небезразличие и субъективность – иначе само авторство оказывается под вопросом.

«Практикум» С.В.Перевезенцева отличает добротность и основательность и самих тщательно подобранных текстов, и комментариев к ним. Такие книги действительно могут пригодиться и школьнику, и студенту, и преподавателю. Учащийся найдет здесь довольно полную и снабженную необходимыми справочными материалами информацию об истории первых трех этапов западноевропейской философии, а преподаватель ознакомится с опытом другого преподавателя.

Книга предназначена для вдумчивого чтения и ничем не напоминает скороспелые пособия для успешной сдачи учебных заданий.

В историко-философской концепции автора явно присутствует влияние позиции А.Н.Чанышева, но это не выглядит нарочито и выражается прежде всего в сходстве демонстрируемой логики историко-философского процесса и в тщательности, проявляемой автором по отношению к аргументации и несущим философский смысл деталям текста.

Книга С.В.Перевезенцева в этой связи вплотную подводит нас к вопросу о связи преподавания философии с научными исследованиями в области истории философии.

Практика показывает, что разделение философии на «академическую» и «университетскую» условно не только в том смысле, что ученые нередко являются внештатными преподавателями, а преподаватели ВУЗов – учеными: существует и явная заинтересованность их друг в друге.

Исходя из специфики философии, как она представляется автору данного обзора, можно сказать, что в ее современном состоянии обнаруживаются две сферы «практического» применения – традиционная – этика, и еще не до конца проявившаяся сфера вузовской философии. В пользу последней свидетельствуют те основные замечания, которые возникали в процессе работы над данным обзором.

Следует сказать, что вузовская философия исчерпала себя как элемент гуманитарной компенсации иных областей знаний, с которыми ей приходится до сих пор с трудом уживаться в не всегда гостеприимных по отношению к ней стенах высших учебных заведений негуманитарного профиля. В логике «компенсаторного» подхода явно прослеживается влияние до недавних пор популярных противопоставлений типа «человек – машина», «технизм – гуманизм» и т.п. Идея же, положенная в основу связи вузовской философии и науки предполагает взаимную заинтересованность этих различных сфер духовной деятельности. Словом, если говорить, например, о методологической роли философии, то прежде всего следует задуматься над тем, что само сопряжение философии и других областей знания осуществляется преимущественно в сфере *культуры*, которая присутствует в любом виде человеческой деятельности – даже в деятельности рутинной. Культура понимается нами в этой связи как система обуславливающих основную деятельность обстоятельств, которые необходимо предполагают знание и истории самой деятельности и ее основных законов и принципов. В этой связи история философии становится той сферой, где пересекаются тенденции исторически определившихся типов деятельности.

Т.о., можно сказать, что местом «встречи» философии и научного знания во множестве аспектов его проявления потенциально является высшая школа.

«Статистический» характер нынешнего феномена под названием «учебник по философии» свидетельствует не только о творческом «зуде» преподавателей высших учебных заведений, стремящихся к самоидентификации, но и о поиске самой высшей школой реальных ориентиров в новом для нее мире открывшихся возможностей и восстанавливаемых культурных и исторических смыслов.

Мы рассмотрели ряд учебных пособий, полностью или частично посвященных истории философии. Было обнаружено, что в решении главной задачи – помочь читателю сориенти

роваться во многообразном мире истории философии преобладают пока два подхода. Первый откровенно демонстрирует авторскую позицию, которая при ближайшем рассмотрении оказывается чаще всего лишь слегка подновленной и обогащенной собственными теоретическими и идеологическими пристрастиями и знакомой, что называется до боли, стандартной установкой на восприятие историко- философского процесса как борьбы двух известных направлений. Следует отметить, что лежащий в основе такого взгляда «основной вопрос философии» становится и своеобразным системообразующим принципом, определяющим, с одной стороны, избыточно строго и прямолинейно смысл самого процесса философствования, а с другой стороны, не менее строго предлагающим видеть в нем обязательное методологическое условие для занятий любым видом деятельности. Итогом такого рода демонстрации авторской суверенности в лучшем случае становится некий текст, отношение к которому будет определяться столь же прагматически поставленной задачей – сдать экзамен, чтобы больше об этом не думать. Независимость, как известно, еще не есть свобода.

Второй подход к учебнику выражает иной взгляд на авторскую роль в освещении историко-философского процесса. Автор или руководитель авторского коллектива не стремится во что бы то ни стало встать в позу непререкаемого авторитета, но в то же время не выглядит демонстративно отстраненным, располагая между собой и историей философии некую расхожую схему. Но его субъективность хорошей пробы – она в постоянном переживании историко-философского процесса, в выявлении в нем того, что еще вчера казалось несущественным. Этот путь в идеале – движение в сторону философии, поэтому-то он и предполагает авторскую открытость историко-философским исследованиям. Этот же путь и более привлекателен с точки зрения того, кто стремится видеть в философии не кладезь мудрости и готовые ответы на все случаи жизни, а помощь в творческой и человеческой самоидентификации.

---

¹ См.: Государственный образовательный стандарт Высшего профессионального образования. Государственный комитет Российской Федерации по Высшему образованию. М., 1995. С. 77-90.